

Порховская старина

17. Порхов 20-х годов

В Порхов мы вернулись всей семьей весной 1920 года. Отец, призванный на военную службу, был направлен на работу в Порховский полковой госпиталь.

Петроградцы той весной переживали очень голодное время. Для огромного города в годы гражданской войны сложились условия блокады: к голодному пайку по карточкам нигде было что-либо купить, рынки и частная торговля были закрыты. Маленький, почти прифронтовой Порхов жил несколько по-другому. Близость деревни делала неискоренимыми какие-то натурально-хозяйственные отношения и подобие уцелевших рыночных связей. Не «мешочники», как в Петрограде, а знакомые крестьяне то за «натуру» - платье, обувь, то за часть городского пайка - мыло, соль, то в долг приносили самую грубую домашнюю муку или крупу, рыбу или яблоки. Городской паек - пусть и голодный - выдавался за счет продрозверстки, собранной с уезда.

В больших домах, принадлежавших до революции дворянам и купцам, селились часто по нескольку семей. Сады были национализированы вместе с домом, если они превышали размеры, нужные для одной семьи.

Некоторые прежние домовладельцы безропотно переносили «уплотнение» и становились членами «коммун». Так было и в нашем доме на Мельничной набережной против Порховской крепости. До революции он принадлежал состоятельной дворянской семье. У нас был общий, хотя и скудный обед, общая мебель, общие развлечения.

В доме, где мы поселились, хозяйева недавно умерли, из их родных осталась ста-

рушка - военная сестра милосердия, и племянница - жена командира Красной Армии. Они вели себя не как хозяйки дома и сада, можно сказать, они стали организаторами почти коммунистического быта.

Не только нас, четверых голодных петроградцев, они встретили как родных, но и тех, кто был к ним вселен по ордеру из порховских служащих - техника-строителя, брата с сестрой, переехавших из уезда, - всех они приняли безропотно. Весь урожай ягод отличного сада принадлежал всем. Урожай яблок разделили, следующую весну также разделили грядки на огороде.

Отношения, сложившиеся в том доме, запомнились на всю жизнь. Были веселые общие трапезы в саду, вместе по вечерам ели ржаные пироги с яблоками и сахарином, вместе каждый вечер гуляли, были общие книги, общие лекарства, общие знакомые и друзья. Большая заслуга в этой жизни в сложные и тяжелые для всех времена принадлежала трем старшим, нашим родителям и старушке - хозяйке дома. Щедрость, доброжелательное отношение ко всем людям, стремление помочь, поделиться всем, что имеешь в этой скудной и трудной жизни, поделиться хотя бы маленькими радостями, своим теплом были примером для младших.

Порхов жил напряженно. Делом первостепенной важности для хозяйственного возрождения стало дорожное строительство. Многие мосты были разрушены, другие едва держались - строительство и ремонт стали долгом экономического отдела Порховского исполкома. В него входил комитет государственных сооружений (Комгосоор) - я накануне своего 17-летия была приглашена на работу делопроизводителем в это учреждение. Была трудовая повинность для всех, окончивших школу, да и в голову не пришло бы сидеть дома, если бы и не было трудовой повинности.

В 16 лет по окончании школы я получила трудовую книжку, и в сентябре 1920

Окончание. Начало **Волышовская старина** в №№ 3/95, 4/96, 5/96, 6/97, 7/97, 8/97, 10/99, 11/99, 12/2000. Настоящее издание подготовлено к печати дочерью Г.В. Проскураковой Н.Н. Масленниковой.

года из-за меня, нового грамотного работника, поспорили два учреждения - отдел народного образования и Комитет государственных сооружений. Верх взяло второе, выполнявшее задания оборонного значения: вновь испеченный делопроизводитель с косами, имея под своим началом двух конторщиков, занимался мобилизацией и направлением на работу - ремонт и наведение мостов - плотников «с собственным инструментом». В Комитете работали четыре техника-строителя во главе с пожилым и опытным П.М. Новоржевским, несколько десятников на строительных работах. Основной рабочей силой были крестьяне-плотники, мастера-самоучки, мобилизованные на определенный, не очень длительный по возможности, срок недалеко от дома с конкретным заданием сооружения или починки моста или нескольких мостов. Работники Комгосоора составляли списки, рассылали повестки мобилизованным и формировали рабочие отряды. Возглавлял отдел опытный техник И.М. Егоров из Попадинки по прозвищу (фамильному) Толкушка. В большом национализированном купеческом доме на главной улице по коридорам и на лестнице собирались вызванные плотники «со своим инструментом» (так писалось в повестках), чаще всего по понедельникам. Плавали тучи табачного дыма, разбирались претензии и жалобы, кого-то отпускали домой, потом десятники шли или ехали со своими отрядами к месту работы. Мобилизованным полагался небольшой паек (деньги тогда были совсем обесценены): хлеб, махорка, спички, соль, сахар (чаще сахарин), подсолнечное масло, немного муки, снежков или селедки. Работа в Комгосооре сближалась тогда с военной службой; тогдашние мосты, не рассчитанные на тяжелую технику, приводились в порядок. Так как в Порхове был кожевенный завод, однажды плотникам за работу выдали вместе с пайком по ... хомуту. Этот щедрый дар пригодился в любом хозяйстве - по прямому назначению или на самодельную обувь.

Одновременно с работой делопроизводителя я стала учиться на вечерних биб-

лиотечных курсах, после окончания их была переведена работать в детскую библиотеку, а потом в музей.

Кроме работы строителей, неотложной и важнейшей была работа землемеров. Земельный отдел рассылал их (в том числе и присылаемых из Пскова) по всему уезду для передела земельных угодий. К 1921 году работа была сделана: крестьяне получили новые наделы, которые раньше не каждому удавалось и арендовать - отсюда общая благодарность Советской власти и почет землемерам. Землемеров возглавлял в Порхове В.М. Стражев.

В трудные и голодные 20-е годы жизнь была полна для многих, особенно молодых людей, высокого смысла, понимания необходимости общих усилий, было в ней много радостного.

Большие изменения происходили в культурной жизни. Делались неузнаваемыми старые библиотеки, начали создаваться новые, не только из помещичьих и купеческих запасов, начали издаваться новые книги. Дом богатого купца Зацкого, который у него был складом товаров (там теперь почта и гостиница), был отдан под музей и библиотеку, обставленные мебелью из усадеб, в том числе строгановской. В большом доме с садом купца Кожевникова, тоже известного богача, открылся первый и лучший в Порхове детский сад со специально заказанной обстановкой.

Кирпичный дом Зацкого к 1920 году превратился в один из главных культурных центров города и уезда.

В третьем, верхнем его этаже размещалась библиотека: входивший в нее оказывался в большой комнате, где из многочисленных, очень красивых шкафов шла выдача книг. Этим занимались несколько библиотекарей высокой квалификации, из них помню Нину Васильевну Орловскую и Татьяну Павловну Васютинскую, там же устраивались выставки книг и журналов.

Влево от этого помещения был читальный зал: высокие окна выходили на берега Шелони, прямо на крепость; в хорошую погоду была открыта дверь на балкон, и можно было читать там. Оба зала - и вы-

дачи, и читальный - были обставлены массивной, красивой, дорогой мебелью из светлого дуба с витыми резными колонками, с ковровой обивкой, разноцветной, веселого рисунка - кресла были удобны, шкафы вместительны. Привезенные из имения Волышова, давно почти не посещаемого владельцами, они были прекрасной сохранности. И у работников библиотеки, и у читателей поднималось настроение, когда они входили в новую порховскую библиотеку.

Справа от зала выдачи находилось книгохранилище: в нем стояли старые шкафы городской библиотеки, горы книг и рукописей лежали на полках, на верхах шкафов и даже на полу. Сюда привозили и приносили все, что поступало в библиотеку: много книг было на иностранных языках (оказалось, значительная часть журналов и беллетристика лежали в библиотеке графского дома в Волышове, а может быть, и в других усадьбах неразрезанными со второй половины XIX века); встречались рукописи, письма, старые фотографии.

В этом помещении работали и свои, но чаще приезжие из Москвы и Петрограда работники архивов - помню одну из них, ее звали Нонна Георгиевна Павлова. Много отбиралось для отправки в Петроград (было не по профилю уездной библиотеки), как, например, целые шкафы книг на английском языке по коневодству и охоте - из Волышова. К чести работников, а вернее государства, нужно заметить, что в библиотеку уже в те трудные, голодные годы гражданской войны поступало много новых советских изданий, а в 1921 году открылись, вслед за педагогическими, библиотечные курсы, потому что страна была охвачена сетью ликбеза и нужно было обеспечить кадрами и литературой самые отдаленные уголки уездов.

Вскоре число библиотекарей в Порхове было сокращено, но новые библиотеки и избы-читальни продолжали открываться.

Я поступила на библиотечные курсы (3- или 4- месячные). Половина времени на них была отдана на лекции, половина - на овладение библиотечной техникой. В конце курсантов возили в Петроград в библиотечный институт.

Второй этаж бывшего дома Зацкого был отдан под музей, им ведал В.И. Кронберг. Хотя помещение было прекрасное - прихожая, за ней рабочая комната для сотрудников и зал с экспонатами (равный по площади двум библиотечным), - музей долго находился в стадии организации, вход в него был строго ограничен; музей был скорее хранилищем, о котором население города знало, но попадали туда немногие (я была там два или три месяца временным работником, вернее - хранителем).

Из многих имений и домов города, брошенных бежавшими владельцами, самое ценное, по указанию В.И. Кронберга, помещалось в музее. Он классифицировал мебель по стилям («буль», «маркетри», барокко, классика, модерн разных направлений и т.д.). Только позднее я могла оценить, что вещи-экспонаты были выбраны правильно, представляли большую ценность: например, была целая коллекция миниатюр-барельефов из бисквитного фарфора работы художника-модельера Ф.П. Толстого в двух специальных шкафчиках; был прекрасный фарфор из знаменитых мануфактур и фабрик разных стран; старинное оружие, мебель, зеркала и т.д.

Ряд картин из Порховского музея теперь является гордостью картинной галереи Псковского музея-заповедника. Зашедший в музей мог увидеть рыцарские доспехи, пиццали и небольшие пушки. Пальбой из пушек отмечались торжественные события во многих поместьях. Деревянное кресло с локотниками в виде топоров скромно стояло у входа в зал музея - для его будущего зрителя.

Помещение музея, в отличие от библиотеки, не отапливалось; может быть, отчасти поэтому он оставался некоторое время просто хранилищем. Дальнейшая судьба музея мне почти неизвестна.

По словам старожилы и дарителя музея В.А. Кинкульского, в 30-х гг. в Порхове был аукцион вещей из помещичьих имений, но их приносили не из музея, а из каких-то складов, где они долго находились, они были хорошо упакованы, отец В.А. купил несколько предметов (кресло, вазу).

Так или иначе, поскольку в Порхове и общественные здания, и большинство частных домов было разграблено фашистами или сгорело во время войны, приходится радоваться тому, что самое лучшее - картины - было спасено от гибели работниками порховского музея, ранее взявшими их в свою экспозицию.

В.А. Кинкульский также помнил, что в 30-х годах, когда в Порхове были закрыты Троицкий и Благовещенский соборы, один из них был отдан музею, переведенному из старого помещения (его отдали детской библиотеке). Вскоре новое здание музея было открыто для посетителей и экскурсий. А освободившееся помещение рядом с библиотекой передали детской библиотеке.

В читальном зале библиотеки регулярно выступали с лекциями и чтением своих произведений известные писатели и поэты, ученые и художники. В Холомках была летняя колония, организованная петроградским Домом искусств, ее обитатели считали своим долгом выступать перед порховским читателем, здесь слушали К.И. Чуковского, М.В. Добужинского, В.Ф. Ходасевича. Особенно часто приезжали в Порхов К.И. Чуковский и М.В. Добужинский.

Когда наша семья вернулась в Порхов, мы вновь встретились с членами семьи Гагариных. После революции 1917 года, когда земля была национализирована, В.И. Ленин подписал охранную грамоту, сохранившую за семьей А.Г. Гагарина их дом в Холомках, а сам Андрей Григорьевич стал преподавателем сельскохозяйственного института, переведенного тогда в Вольшово. В 1920 году случилась беда: Андрей Григорьевич не перенес операции и умер в Порхове. Его семья осталась в Холомках, госпиталя там уже не было, в доме Гагариных велась массовая культурная работа, в ней активно участвовала Софья Андреевна, у нее было и музыкальное и балетное образование.

Ленинградский Дом искусств в 1920 году организовал в Холомках и Бельском Устье, вероятно по инициативе М.В. Добужинского и В.А. Милашевского, знакомых с Гагариными еще в прежние годы, коло-

нию для отдыха писателей и художников, она дала возможность поправить здоровье и отдохнуть многим деятелям литературы и искусства, измученным условиями жизни в Петрограде 1919-1920 гг. Большую заботу об общем благополучии и отдыхе обитателей колонии проявлял ее заведующий художник Борис Петрович Попов. Этот период в жизни Холомков описан многими авторами воспоминаний: В.А. Милашевским, М.В. Добужинским, В.Ф. Ходасевичем; в набросках к роману «Дубы» Е. Замятина. По собственным моим впечатлениям, очень молодого человека, самыми заметными из обитателей колонии Дома искусств в Холомках были М.В. Добужинский и К.И. Чуковский. Очень знаменитые уже тогда, они были, наверно, самыми активными в жизни колонии; но и порховичам они должны были запомниться, потому что много сделали для нас, населения города, - их лекции, беседы, чтения были событиями, воспитывавшими интерес и хороший вкус и преданность вечным ценностям литературы и искусства.

В читальном зале при порховской детской библиотеке собирались несколько благодарных слушателей. У М.В. Добужинского мы учились ценить произведения живописи разных жанров, искусство театра и его собственной изящнейшей книжной графики. Кроме того, в Холомках он сыграл главную роль в трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь», и порховичи пешком ходили на это незабываемое зрелище. Он делился со слушателями своими глубокими знаниями по истории живописи и открыл нам недавно изданный труд Р. Мутера. К.И. Чуковский бывал в Порхове чаще всех: у него был редкий талант общения, одинаково было интересно слушать рассказы о писателях и поэтах, лекции о творчестве Достоевского, например, или Некрасова и просто чтение литературных отрывков, со вкусом подобранных.

В Порхове в начале 20-х годов был хороший театр, из актеров-любителей выросли профессионалы, работавшие потом в лучших театрах Москвы и Петрограда. В Холомках же был новый, второй культур-

ный центр. Если в Холомках, в зале, был вечером концерт, или спектакль, или лекции, собирались на нижней веранде жители окрестных селений и порховичи, нарядные и праздничные, с велосипедами и зонтиками. Каждый, кто видел и слышал эти концерты и лекции, гордился тем, что местом отдыха этих людей одно время были Холомки. Значительная роль в подготовке этих концертов и вечеров, в безупречном вкусе их и стиле принадлежала художнице Марии Дмитриевне Гагариной. Однажды приехал из Холомков в Литературную студию в Порхов Владислав Ходасевич. На самом деле это была не студия, а более или менее постоянный круг слушателей в детской библиотеке. В. Ходасевичу эта единственная его поездка в Порхов тоже запомнилась и запомнились «юноши и девушки явно буржуазного происхождения», которые прочли ему свои стихотворения, «среди которых были совсем недурные», спрашивали его об Ахматовой, о Гумилеве, об Осипе Мандельштаме. «Потом я прочитал им несколько своих стихотворений».¹ Я была на этой встрече и запомнила три: «О, если б в этот час желанного покоя...», «Сладко после дождя теплая пахнет ночь», «Обезьяна» (все вошло в сборник «Путем зерна»). Я сочла своим долгом показать гостю город, но, как выясняется теперь, В.Ходасевич не очень это воспринимал, и берег реки и «какие-то старые стены» не произвели на него впечатления и не исправили того тяжелого настроения, в котором он находился.² По моему мнению, в описаниях города Порхова и оценках людей автор «Поездки в Порхов» излишне поспешен и резок.

Из порховичей чаще других выступал для библиотекарей В.И. Кронберг (он был потом директором одной из школ). Каждый из названных здесь людей многое открыл своим порховским слушателям: нас учили понимать сложные литературные произведения, разбираться в живописи и поэзии - и всегда, по любому вопросу, уметь найти нужную литературу.

В Порхове большое внимание уделялось культурному развитию: открывались

курсы, избы-читальни, ликбезом охватывалось все неграмотное население - поэтому была большая нужда в кадрах преподавателей и инструкторов.

Поэтому и я смогла учиться, работая, на педагогических и библиотечных курсах. Все мы, слушатели курсов, ездили на две длительные незабываемые экскурсии - в Псков и в Петроград.

В Пскове нас, группу учащихся, встретили с конной упряжкой, чтобы везти наши вещи, устроили в общежитии, показали памятники города (в Мирожском монастыре были еще монахи, один из них показал нам собор). В Петрограде нас принимал библиотечный институт, нам читали лекции лучшие вузовские преподаватели, в том числе особенно по библиографии, показывали нам свои сокровища - книги, плакаты, выставки. Мы жили в комнатах с кроватями, нас кормили досыта; помню, кашу в Пскове давали по не очень большому тазу на четверых (тарелок не было). Не помню, какой нам давали хлеб, но каша была особенно вкусной, люди заботились, чтобы голодными мы на экскурсиях не были: все было очень тощие.

Нас встречали и провожали приветливые люди, мы чувствовали их уважение, особенно к нашим преподавателям.

В Порхове 20-х годов продолжал свою работу самодеятельный театр, лучшими артистами и режиссерами были Л. Мнухин, Т. Ванюкова, М. Тиганэ и многие другие порховичи.

В помещении театра на набережной и в клубе пожарного депо были киносеансы немного кино «под рояль», иногда очень удачно пианист-аккомпаниатор подбирал то грустную, то веселую, подходящую к фильму музыку.

Зимой устраивались маскарады - как будто продолжались обычаи «ходить ряжеными», это было принято широко на масленице, но в Порхове маскарады начинались с зимних каникул. В тех же залах, чаще всего в театральном, за полночь шли танцы. Большинство порховичей приходили в самодельных костюмах и в масках, весело было узнавать других, оставаясь самому

неузнанным, но в 12 часов полагалось маски снимать. За лучшие танцы и костюмы иногда давались призы.

Был в Порхове духовой оркестр, еще до революции организовавшийся в пожарном депо. Вечером его музыка, особенно летом, звучала в городском саду и на всю округу, да и по утрам все слушали его репетиции.

В Порхове была музыкальная школа - в конце улицы Песочной, последний дом справа (у церкви). Время от времени устраивались концерты. Помню особенно хороший концерт, посвященный музыке Бетховена. Кроме нескольких учительниц музыки, в этих концертах большое участие принимали Софья Николаевна Тутолмина (сестра знаменитого ученого-химика Н.Н. Качалова), С.Д. Хитрово, В.В. Ставиский, семья Штефанов и другие приезжие или местные музыковеды. Почти все они принадлежали к местной или петроградской интеллигенции, были и из помещичьих семей - С.Н. Тутолмина из имения Подоклинье, С.А. Гагарина из Холомков.

Самым массовым развлечением порховской молодежи в начале 20-х годов были прогулки по вечерам по Рождественской набережной мимо театра (тогда на набережной был бульвар и булыжная мостовая).

С весны до осени после работы, принарядившись, молодежь из разных концов города приходила сюда и парами, и компаниями, и все гуляли по многу раз взад-вперед от моста до бывшей гимназии. Встречаясь со знакомыми, иногда объединялись, чаще - просто здоровались.

В 1921 году начался переход к новой экономической политике: открылись лавки и мастерские «частников». Стало можно заказать и купить обувь, одежду - деньги стали представлять реальную ценность.

Национализированные здания в Порхове были использованы очень удачно - под учебные и культурно-просветительные учреждения, во вторую очередь - под магазины и жилье.

Почти все церкви в 20-х гг. еще функционировали, город рос в сторону железной дороги и Заречья; из мелких частных

заводов развились государственные, как, например, кожевенный, льнозавод и другие предприятия, постепенно вытеснившие мелких частных предпринимателей.

Остается еще сказать, что большинство домов были небольшими, одноэтажными, кроме отдельных улиц, как, например, Песочная, где преобладали двухэтажные деревянные дома. При домах были аккуратные дворы, часто с «поветьями» (крытыми местами для упряжек и запасов), с сараями, хлевами и баньками. Чаще всего дома были и с садами, реже - с палисадниками, даже если часть дома сдавалась жильцам. Плохое тогда в городе было освещение. Крошечная электростанция в центре города давала свет лишь на короткое время: лампочки у всех были без абажуров, около 11-12 часов вечера три раза мигнет свет - это значит, что сейчас его отключат.

Вместо каких бы то ни было отопительных приборов были русские печки, самовары и... таганы для быстрого приготовления пищи.

Такой облик города сохранялся в Порхове почти вплоть до Великой Отечественной войны. Он был, правда, сильно искажен пожаром в августе 1931 года, охватившим часть самой старой и уютной территории города - от набережной до Сенной площади. Не были восстановлены после него дома на нескольких улицах - сгорели десятки особняков, несколько зданий больницы, синагога, склады, сады с заборами и деревьями.

На облике города сказывались и последствия стихийного бедствия - страшного весеннего наводнения 1922 года. Оно произошло на Пасхе, которая тогда еще праздновалась многими. Шелонь вышла из берегов и затопила не только набережные, но и большинство улиц города. Страшно было смотреть на дома и церкви, встающие из воды и отражающиеся в ней куполами. Но самое страшное было видеть, как плыли дома и сараи по Шелони, как снесло часовню с моста. Водой размывало фундаменты, и дома рушились. Дом, где мы жили, на Мельничной набережной против крепости, оказался без фундамента. Мы, восемь

человек, две семьи, спасались на чердаке, фундамент размыло на три четверти. Когда вода схлынула и стало можно спуститься в квартиры, мы увидели, что люди смотрят на наш дом и ужасаются, а в щели между половицами просвечивает набережная. Тогда к нам зашел приехавший из Холмоков М.В. Добужинский, о своем впечатлении о последствиях наводнения в нашем доме он пишет в одном из своих писем.

Это наводнение принесло много бед и горя порховичам, оно описано во многих воспоминаниях и запечатлено в редких фототрафиях.

Порховским учителям я обязана выбором профессии и определением будущих научных интересов.

Для того, чтобы готовить нужных стране специалистов, институты принимали студентов по направлениям. Летом 1922 года я получила направление в Петроградский пединститут имени Герцена. К экзаменам нас готовили учителя порховской школы, в том числе ее директор Михаил Павлович Ведерников. Огромное уважение вызывала его забота о школе; так, мы видели, как он, разрешив провести открытый вечер танцев в здании школы, бывшей гимназии, от начала до конца «дежурил» добровольно сам: ходил в строгом костюме, не делая никаких замечаний, обеспечивая полный порядок одним своим присутствием.

После моего отъезда из Порхова в Петроград я потом приезжала в Порхов к родителям каждое лето до 1931 года, когда мой отец был переведен на работу в Псков. С этого времени моя жизнь была связана с Псковом.

Заканчивая свои воспоминания «О родине - Псковском крае», считаю необходимым вернуться к истории Вольшова 20-х годов, которую я могла видеть и знать во время приездов из Порхова.

18. Конец «государства в государстве»

Одним из центров «государства в государстве», огромных владений Строганова Вольшово оставалось вплоть до 1917

года. Но уже задолго до этого его последний владелец С.А. Строганов уехал за границу, в Париж, и оттуда заочно занимался делами по имению, заводам, земству.

Судьба графа сложилась драматично. Человек это был незаурядный, много выдавший на своем веку. Он на собственной яхте совершил кругосветное путешествие. Закончив Морской корпус, служил на флоте. Он занимался интересной работой в земстве, где почитали за честь служить многие помещики, и на рубеже веков, следуя традициям своих предков, сделал много пожертвований на благотворительные цели. На его средства было построено много больниц и амбулаторий, в которые приглашались лучшие врачи из Петербурга и Тарту. Не забывал он и о благоустройстве своих владений, дважды - в 1896 году и 1912 году - награждался дипломами за успехи в садоводстве и в лесном хозяйстве.

Женился граф, как и его отец, на Евгении Александровне Васильчиковой, из другой ветви рода. После нескольких лет счастливой жизни, омрачавшейся только тем, что в семье не было детей, графиня умерла. Горе графа было безмерным. Он целый год прожил вблизи ее могилы, не мог заниматься делами, окружающие его люди всерьез опасались за его рассудок. Позже граф переехал в Петербург, а затем во Францию. Последнее, что слышали в Вольшове о графе, - сообщение, что он отказывается от перевода своих капиталов за границу; случилось это уже в годы Первой мировой войны. Умер граф на чужбине в 1923 году.

Родные С.А. Строганова уже знали, кто будет наследником и главой майората, - у одной из сестер графа было два сына, старший, Александр, должен был унаследовать титул и состояние отца, князя Щербатова. Второму сыну, Георгию, предстояло получить майорат с двойным титулом и фамилией: князь Щербатов, граф Строганов.

Однако история распорядилась по-другому. Грянула революция, и богатства перешли во владение народа. Уже перед революцией жизнь в Вольшове шла по инерции - не наблюдалось свертывания, но не было и роста. Первые автомобили начи-

нали пылить по проселкам, псковские купцы телефонизировали свои магазины и склады, строили водопроводы, в имениях появлялась первая сельскохозяйственная техника. А Вольшово оставалось от всего этого в стороне.

В 1918 году имение передали под учебные заведения. С 1920 по 1924 год здесь работал сельскохозяйственный институт. Вот что вспоминает один из его выпускников И.С. Ершов: «Это были бурные и тяжелые годы. В Вольшово институт перевели из Алтуна весной 1920 г. Поскольку сначала студентам стипендий не платили, их посадили на «подножный корм». Для этого за институтом закрепили Вольшово, Князьи Горки, Дирины Горки и Вязье. Вначале заведующими этими хозяйствами оставили: в Вольшово - Мозерта, в Князьих Горках - Пэрна, в Дириных Горках - бывшего хозяина Саковича.

Самыми трудными по части продовольственного снабжения в институте стали месяцы до снятия урожая двадцатого года. В основном кормили чечевичным супом. Потом с питанием стало лучше, чем в городах. Возможность прокормиться была не последней причиной того, что для преподавания в институте приезжали крупные ученые. Одни из них, прочитав курс, уезжали, как, например, академик Прасолов, энтомолог Яцентковский, лесоводы Ткаченко, Коппер. Другие оставались в Вольшово на постоянное жительство - зоолог профессор Гримм, почвовед профессор Никитин, агрономы Костюков и Ганшин, братья Барановы и другие. Профессор А.Г. Гагарин приезжал из Холомков и вел занятия по высшей математике (там же, кстати, учился его сын Петр).

В то время еще жили в бывшем имении и работали садовник Ватцек и другие мастера своего дела, прекрасные служащие и хорошие работники. Неподалеку, в Захонье, древесным питомником заведовал Тюльпанов. Их бесценный опыт помогал в практических занятиях. Сохранились сад, теплицы, прекрасные оранжереи. Иногда

студентов баловали персиками. В Вольшово сохранились конюшни. Жилой фонд использовался под общежитие студентов».³

Из студентов института можно назвать, кроме сына князя Гагарина Петра, А.И. Тюльпанова, сына знаменитого лесовода, порховича А.И. Забурнягина и ставшего тоже лесоводом И.С. Ершова. Других сведений о студентах и выпускниках института не сохранилось.

С 1924 по 1928 год в бывшей вотчине графов функционировал сельскохозяйственный техникум ветеринарного направления и с сентября 1928 года - четырехмесячные всесоюзные курсы по коневодству.

Учебные хозяйства сельскохозяйственного института, затем техникума и ШКМ, разделив земли, оставленные за Вольшовом, с конным заводом, по условиям времени и географии уезда не могли создать хорошего советского хозяйства.

Памятников архитектуры, подобных Вольшовскому историко-архитектурному комплексу, нет в Пскове, на Северо-Западе России.

Если сейчас не сделать все возможное для подлинного возрождения села Вольшова, оно погибнет и погибнет прославленный конный завод. Отдельные здания конца XVIII - первой половины XIX веков в Пскове давно сильно перестроены или обветшали, поэтому охрана и поддержка памятников архитектуры в Вольшово - это благородное и ответственное дело. Традиции зеленого строительства легко возродить: парки - ровесники Вольшовского - есть и под Ленинградом, и под Калугой, и в Пушкинском заповеднике, а речка Вогоща, если о ней немного позаботиться, снова побежит от шлюза к шлюзу, украшая луга и дорожки. Вольшово достойно быть не только культурным и экономическим центром, но и памятником многим поколениям безымянных людей, создавших когда-то своими руками утопающее в зелени село из зданий самого хорошего вкуса.

Примечания

1. «Одна барышня, хорошенькая и милая, предложила мне погулять. Мы вышли на берег реки, потом осматривали какие-то старые стены, но я уже мало что понимал от голода и усталости» (Ходасевич Владислав. Поездка в Порхов: Из советских воспоминаний // Литературное обозрение, 1989, № 11, С.109).
2. Примечание М.В. Безродного к «Поездке в Порхов» В. Ходасевича. // Литературное обозрение, 1989, № 11, С.110-112.
3. Воспоминания И.С. Ершова хранятся в Порховском краеведческом музее.

Послесловие

Воспоминания о родине - Псковском крае Г.В. Проскуряковой были важным и многие годы любимым трудом последней трети ее жизни. К воспоминаниям она обратилась поздно и не по велению души: хотела заниматься более живыми делами, а потом жалела - не успела многое узнать от старших родственников и знающих людей. Как мне кажется, широта ее интересов была видна и родителям и друзьям, она изучала живопись, в том числе современную, в окружении художников, русскую и французскую литературу, прекрасно знала поэзию и массу стихов помнила наизусть, любила А. Блока, В. Ходасевича, Н. Гумилева, Б. Пастернака. Позднее стала с интересом читать научную историческую литературу, была знакома со многими историками своего и моего поколения. Для всех она была интересным, живым и отзывчивым собеседником, ее широкая эрудиция, живое восприятие явлений культуры, интерес к людям и английское остроумие привлекали к ней друзей разного возраста и учеников. Она же особенно любила учеников 1919 года рождения и студентов 1937 и всегда грустила о мальчиках-школьниках, погибших на войне.

Жизнь Галины Васильевны была трудная, как у людей всего ее поколения, но она не стала бы жаловаться, в жизни было много разочарований и утрат: уезжала из любимого Вольшова и из голодного Петрограда, пешком уходила из горящего дорогого Пскова в 1941 году, потеряла во время войны отца и любимого брата, вернулась в разрушенный Псков, чтобы все начать сначала. Но все-таки это была счастливая жизнь: Г.В. помнила все хорошее,

многим увлекалась, умела творчески и много работать.

В 60 - 70-е годы вдруг стало ясно, что «Воспоминания» писать необходимо. Тогда во всей стране остро и конкретно ставился вопрос об охране памятников истории и культуры. Задачи их восстановления казались реальными, осуществление планов близким. И вот именно тогда она вдруг вновь увидела Вольшово.

Она была в Порхове со студентами и встречалась со многими порховичами. И однажды музейщики почти насильно привезли ее в Вольшово. Последний раз мы были там вместе с родными в 1952 году, сохранилось такое печальное впечатление от состояния любимых мест, что мы решили никогда не возвращаться. А О.П. Полубелева и Л.В. Васильева думали, что поездка в Вольшово будет тяжелой, но может быть необходимой для Галины Васильевны и для Вольшова. После возвращения она сказала мне с необыкновенной убежденностью: «Мы должны помочь Вольшову, мы не можем его бросить!» Она поняла, что материалов по его архитектуре и истории мало, легенды беспочвенны и неточны. Начинать его восстановление надо с поисков в архивах, в литературе и в собственной памяти, в старых письмах родных, в воспоминаниях современников. Началась работа над воспоминанием-исследованием, оно углублялось и расширялось благодаря сохранившемуся архиву фотографий: фотографией увлекался отец Галины Васильевны, когда дочери было и 5, и 15 лет. По сути дела воспоминания принадлежат двоим - отцу и дочери.

Однако воспоминания требовали и конкретных наблюдений и проверки. В течение десяти лет (1979-1989 гг.) мы каждое лето жили в Вольшове, ходили по усадьбам и ездили по окрестным деревням и старательно искали, что еще сохранилось в селе и в парке или что можно найти по каким-то косвенным признакам, вспомнить и определить.

Но мы там были не только из-за «Воспоминаний». Маме было тогда 76-86 лет, но она выступала перед жителями Порхова и Вольшова: в школе, на фермах, в мастерских, в некоторых частных домах; она считала, что дело сохранения и возрождения Вольшова должно быть делом прежде всего самих вольшовцев, ведь эта окружающая их красота создавалась трудом и искусством их предков. Она выступала на заседаниях клуба «Лира» и на научных конференциях в Пскове и Порхове.

Для местных краеведов, прежде всего кружка школьников под руководством А.И. Антоновой, и работников порховского музея О.П. Полубеловой и Л.Т. Васильевой разрабатывались планы экскурсий по зданиям и парку Вольшова, подбирались материалы для экскурсий разного типа и сложности, копировался и дарился иллюстрированный материал (старинные фотографии села) к экскурсиям и предполагаемой экспозиции школьного музея. Поэтому она согласилась на издание своих воспоминаний в сокращенном виде в районной газете «Порховский вестник» (в 18 номерах) в 1992 году и смогла их увидеть.

При изучении Вольшова необходима была помощь специалистов - речь шла о выдающихся памятниках архитектуры в историческом ландшафте, о редком сочетании сооружений дворцового типа и зданий утилитарного назначения, что и придало всему ансамблю редкую законченность и своеобразие. Находились единомышленники, в Вольшово приезжали историки архитектуры В.А. Витязева и С.О. Кузнецов, многие историки и краеведы. Г.В. нашла сведения об архитекторах, которые строили Вольшово, о М.А. Макарове, сыгравшем определяющую роль в его развитии.

Особенно ценными для истории Вольшова являются те главы воспоминаний, которые посвящены ландшафтной архитектуре, парку, так как многое в нем погибло безвозвратно, и данных для воссоздания его истории уже не существует.

В ответ на обращение Г.В. Проскуряковой в Союз архитекторов «Шефская экспортно-консультативная комиссия в 11-ти областях Нечерноземной зоны РСФСР», которая в 80-х годах вела активную шефскую работу по организации конкурсов по планировке городов и сельских поселений Нечерноземья, поняла практический смысл поставленной проблемы и направила в Вольшово экспертов - крупных архитекторов и практиков-реставраторов под руководством Б.А. Кикина для изучения положения в Вольшове и разработки рекомендации по сохранению комплексного памятника. В комиссию входили знаменитые архитекторы Л.Л. Шретер и С.А. Иванова, архитектор-реставратор К.А. Степанов и ученый-дендролог Н.В. Жигло. Группа специалистов внимательно изучила состояние памятника и после дополнительных консультаций представила в Шефскую комиссию Союза архитекторов схему охранных зон села Вольшова, подписанную ими 1985 годом. Экземпляр ее хранится в архиве Г.В. Проскуряковой. Схема эта была известна и псковской администрации и дирекции конного завода, однако при строительстве новых зданий (конюшен, жилых помещений, амбулатории) с нею не считались, к сожалению, хотя она, как показывает дальнейшее разрушение архитектурного ансамбля села, заслуживала внимания и осуществления.

В эти же годы в Вольшове работала группа архитекторов из Псковреставрации. Ими был изучен Графский дом, подготовлены новые материалы обследования и документация для реставрации архитектурного центра села. Однако к подготовленной реставрации не приступили, хотя в 1986 году школа, находящаяся в Графском доме, выехала в специально для нее построенное временное помещение, освободив дом для реставрации. Но заказчика на выполнение работ найдено не было, нет его и до сего

времени. Именно с 1986 года началось уже быстрое стремительное разрушение Графского дома и зданий парадного круга - дома управляющего, английского домика, буфета. Затем разрушилось здание Аптеки, в аварийное состояние пришел графинин домик и, наконец, нынче обрушился купол церкви. Еще несколько лет тому назад некоторые здания этого списка впервые изучались московской организацией «Спецпроектреставрация» (архитектор А.Г. Борис), которой было передано проектное здание от Псковреставрации.

Важным этапом в деле восстановления Вольшова могло оказаться изучение уникального парка. Им занималась группа специалистов Леспроекта во главе с И.А. Эрф, имевшая богатый опыт изучения и восстановления усадебных парков. Впервые проводились геодезические работы в парке, аэрофотосъемка. В результате был создан на высоком профессиональном уровне пакет документов, включающих характеристику состояния усадьбы и парка и подробнейший проект поэтапного восстановления ландшафтной архитектуры в усадьбе. Один экземпляр материалов к реставрации парка хранится в Порховском краеведческом музее.

Эти документы представляют ценность особую: во время урагана 1987 года в парке произошли такие разрушения, после которых изучение истории возникновения и развития парка невозможно без этих материалов, только они смогут стать основанием для возобновления работ в далеком будущем. Комиссия по изучению последствий урагана, в которую входила и И.А. Эрф, установила гибель 90 % деревьев в некоторых частях парка и утрату ценнейших экземпляров в его основном ядре.

Разрушения в парке произошли на наших глазах, так как за неделю до этой страшной ночи мы, как всегда в августе, приехали в Вольшово.

Гибель парка Галина Васильевна пережила очень тяжело, мы надеялись, что если возрождение села и его построек может затянуться, то парк сам переживет еще многие века. Не меньший ущерб, чем ураган, принесли усадьбе киносъемки 1987 года, в которых здания парадного круга и Графский дом, подготовленный к реставрации, использовались как живописные развалины в батальных сценах с пожарами.

Следует сказать, что разработка планов реставрации парка и схемы охраняемых зон были невозможны без плана усадьбы, который создала Галина Васильевна, взяв за основу Генеральный план-схему Облсельхозпроекта МСП РСФСР (1958 г.), эту схему использовал Б.С. Скобельцын при реставрации ряда зданий в Вольшове в 60-х годах.

Схематический план усадьбы Галины Васильевны имеет свои особенности. В нем особое значение придается экспликации и датировке. И хотя часть объектов за пределами Генерального плана-схемы нанесены Галиной Васильевной, как написано в плане, «визуально», но они помогли исследователям, картографам и архитекторам-ландшафтикам ориентироваться на территории и определять более точно места сооружений и планировку парка. Этот план сослужил службу, когда не было точных планов Вольшова, и помог их созданию.

Хотелось бы надеяться, что и воспоминание-исследование может стать вкладом в усилия людей, стремящихся не допустить разрыва духовных и культурных связей поколений, и поможет Вольшову, земле наших предков, хотя бы в далеком будущем.

Г.В. Проскурякова перед первым отъездом из Вольшова.

Г.В. Проскурякова (сидит) с подругой Н.Эглит перед отъездом в Порхов в 1920 г.

Г.В. Проскурякова в годы, когда писались воспоминания «О родине – Псковском крае».